

обширное поприще драматической поэзии! Въ это время окончили я (речь идетъ о 1810 годѣ) двѣ оперы *, написалъ оригинальную оперу-водевилъ въ 2 дѣйствіяхъ „Дровосѣкъ“, выставивъ оной дѣйствующими русскими и малороссийскими лица; милая моя и въ семъ водевилѣ была образцомъ для главной роли *Катерины*, дочери дровосѣка. Сія опера отдана была мною въ цензурный комитетъ, но, къ несчастію, попалась медицинскому проф. Шумлянскому, уроженцу малороссийскому; ему не понравилось, что я выставилъ на сцену съ глупой стороны малоросіянину, а потому онъ и не одобрилъ ее къ напечатанію. Не унимая отъ сего, я сочинилъ небольшую комедію въ прозѣ—„Щебетуха“, началъ большую трагедію въ прозѣ и во вкусѣ Шекспира, подъ названіемъ „Моущество природы и любви“; трагедіи сей было написано уже полтора дѣйствія. Сочинилъ прологъ въ стихахъ: „Праздникъ Бахуса“, потомъ комедію въ 3 дѣйствіяхъ въ прозѣ: „Конфетчикъ“ или „Женитба по парижской модѣ“. Сія послѣдняя была уже объявлена на Харьковскомъ театрѣ, но, къ несчастію, для проценированія попала въ опять тому же профессору, а такъ какъ тамъ былъ осмѣявъ одинъ ученый педагогъ, то господинъ профессоръ не восхотѣлъ, чтобы ее играли, не смотря на всѣ старанія спекулятивнаго директора бѣдной Харьковской труппы, и вмѣстѣ съ тѣмъ на мою досаду. Послѣ сего директоръ бросился съ просьбами къ г. гражданскому Харьковскому губернатору Бахтину, чтобы позволилъ онъ представить моего „Конфетчика“. Г. губернаторъ взялся было самъ просмотрѣть комедію, но по флегматическому своему сложенію долго медлилъ и, наконецъ, ватералъ ее между кипами своихъ бумагъ... „Доселѣ удивляетъ меня, говорить въ заключеніе В. Масловичъ, когда я находилъ время на такія упражненія, будучи безпрестанно или на лекціяхъ, или за воротами, или въ церквахъ, дабы гнѣздыть на мою могущественную фею!“...

„Милая“ и „фея“, о которой здѣсь идетъ речь, была хорошенькая осѣдка злополучнаго драматурга, къ которой онъ питалъ нѣкоторое время страстную платоническую любовь **.

III.

Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ харьковцы еще не привыкли ни къ театру, ни къ университету, заходистые помѣщики съ одинаковымъ недоверіемъ относились и къ профессорамъ, и къ актерамъ и, ни мало не стѣняясь, называли тѣхъ и другихъ „бродягами“ *** Неудивительно, что и занятіе литературою считалось въ ту пору весьма сомнительнымъ дѣломъ, въ которомъ „высокопоставленныя“ лица признавались не совсѣмъ охотно.

Въ 1811 году Харьковскимъ „благороднымъ обществомъ“ былъ устроенъ спектакль въ пользу молодаго архитектора Алферова, путешествовавшаго (нерѣдко пѣшкомъ) по Италіи и Греціи для изученія классическихъ памятниковъ своего искусства. Въ этомъ спектаклѣ разыграна была драма въ пяти дѣйствіяхъ „Ревнивый“ того самаго губернатора И. И. Бахтина, о которомъ съ такимъ негодованіемъ говоритъ В. Масловичъ. Кто-то написалъ по этому поводу корреспонденцію въ „Вѣстникъ Европы“. Бахтинъ, оскорбившись, что его, губернатора, называютъ авторомъ, немедленно послалъ въ редакцію письмо, въ которомъ объяснилъ, что хотя онъ дѣйствительно писалъ *Ревниваго*, но восемнадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще не былъ губернаторомъ. „Желая меня похвалить, писалъ Бахтинъ издателю журнала, вы одѣляли мнѣ большую неприязнь. Если человѣка называютъ миролюбивымъ, безъ сомнѣнія, это весьма большая ему похвала. Но А. В. Зуворовъ, сказываютъ, про одного генерала говорилъ: хорошій генералъ! миролюбивый генералъ! Слова миролюбивый и генералъ, соединенныя вмѣстѣ, были не похвалою, а критикою тому. Гу-

* Авторъ еще гимназистомъ написалъ „пастушескую оперу“, „пастораль“, „Аминту“ и „другую подобную“ „Дельфъ и Дельфира“ или „Увѣнчанная любовь“.

** *Харьковский Календарь-Альманахъ на 1888 годъ*, составилъ и издалъ В. Носороговъ. Мои стихи, изъ автобіографіи харьковца писано въ 1824 году), В. Масловича, стр. 71—72 и 77—78.

*** Роммель. *Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета*, 75—76 и 92.

СИЛУЭТЫ МѢСТНОЙ ЖИЗНИ.

Безконечная поэма.

Октябрь суровый наступилъ
И Харьковъ онъ ошеломилъ:
Такъ ораву холодомъ пахнуло,
Такъ вѣтромъ сѣвернымъ подуло,
Что наши харьковцы опять,
Какъ въ лихорадкѣ, вадрожали,
Пальто и шубы выкупать
Въ ломбардъ скорѣе побѣжали,
А вмѣсто шубъ туда идетъ
Все платье лѣтнее для соуды,
И вотъ беретъ и отдаетъ
Теперь ломбардъ нашъ денегъ груды...
Ахъ, вотъ въ такіе холода
Зайти не вредно-бы туда
Иль въ банкъ какой-нибудь отъ скуки,
Чтобъ тамъ погрѣть на деньгахъ руки!

А то вѣдь въ Харьковѣ родномъ
Холоднымъ вѣетъ вѣтеркомъ
И, хотъ здѣсь солнце блещетъ ярко,
Но отъ него совсѣмъ не жарко,
Такъ отъ улыбокъ дѣвъ и дамъ
Тепла бываетъ мало намъ...
Да! наши харьковцы вздохнули
Довольно тяжко въ октябрѣ:
Здѣсь—холодъ, словно, въ январѣ,
А пыль такая, какъ въ іюлѣ...
И въ этой пыли мы найдемъ
Бактерій и микробовъ массу,
Что прибыль въ Харьковѣ моемъ
Приносить докторскому классу:
Онѣ по Харькову летятъ,
Въ жилища гражданъ проникая
И свой болѣвнотворный ядъ
По организмамъ разливая...
Ихъ путешествіе у насъ
Болѣвней массу порождаетъ
И обиватели каждый часъ
Волѣетъ здѣсь и умираетъ...

бернаторъ и авторъ драмы, соединенные, едва ли, по мнѣнію моему, не равносильны. Мнѣ могутъ возражать, что Фридрихъ Великій издавалъ цѣлые томы сочиненій своихъ, однако же правилъ не только губерніей, но и цѣлыми государствомъ и предводительствовалъ арміями. Но кто увѣритъ меня, что онъ не правилъ бы еще лучше, ежели бы не сочинялъ? Кто поручится мнѣ, что какое-нибудь хорошее мѣсто въ поэмѣ его *Искусство военное*, не стоило ему неудачи хотя одного сраженія? Въ объявленіи о сей драмѣ напечатано было, что я ее сочинилъ, но въ томъ же объявленіи было помѣщено, что драма сія была сочинена мною назадь тому 18 лѣтъ, слѣдовательно объявленіе не дѣлало меня авторомъ и губернаторомъ въ одно время“. Подъ „объявленіемъ“ здѣсь разумѣется афиша. Въ заключеніе Бахтинъ просилъ напечатать его письмо. Издатель, исполнивъ его желаніе, прибавилъ отъ себя: „Въ печатномъ объявленіи дѣйствительно упомянуто, что драма сочинена передъ симъ за 18 лѣтъ. Я пропустилъ сіе обстоятельство и симъ признаніемъ поспѣшаю исправить свою ошибку?“. Честь Бахтина была, такимъ образомъ, совершенно восстановлена... —й—ъ.